

Татьяна Юденкова

Имя Григория Юрьевича с самых первых лет моего обучения в Московском университете было хорошо известно каждому студенту. Г.Ю. Стернин активно печатался в журналах «Творчество», «Декоративное искусство» (которые мы все, естественно, читали) и особенно в главном тогда искусствоведческом журнале «Советское искусствознание». Статьи Григория Юрьевича выходили регулярно, и в каждой из них он умел придать новый ракурс рассмотрению хорошо знакомого материала по русскому искусству XIX века, периоду, о котором принято думать, что о нем все сказано и все написано. Не помню, чтобы мы зачитывались его монографическими статьями, мы больше ценили его концептуальные работы за необычный подход и свежий взгляд. Он анализировал русское искусство то через художественную жизнь (в начале 1980-х мы еще не понимали, что это целое направление, открытое Стерниным в нашей науке), то через восприятие современников, то в трактовке западного искусствознания. Он пристально исследовал XIX столетие, преломляя его под разными углами зрения и рассматривая на стыке разных дисциплин, тяготея к отдельным стилистическим направлениям – неоклассицизму, символизму, реализму. Последний термин Григорий Юрьевич не любил, старался его не употреблять, но если без него обойтись было невозможно, то предпочитал замещать проблемой «реальности» или «реального» в искусстве эпохи. Избирая новую точку зрения, Г.Ю. Стернин вводил малоизвестные или совсем неизвестные факты искусства и художественной жизни в широкий контекст и таким образом существенно расширял наше представление о наиболее исследованном периоде отечественного искусства.

Нашему курсу очень повезло. Григорий Юрьевич вел у нас спецкурс по истории художественной жизни XIX – начала XX века. Я не знаю, читал ли он предшествующим или следующим за нами искусствоведческим группам. На четвертом курсе (это был 1984 год) многие из нас уже определились с темой дипломной работы. Мой диплом был посвящен Московскому обществу любителей художеств, в целом – историко-культурной проблематике, теме, непосредственно связанной с художественной жизнью; моим научным руководителем стал Дмитрий Владимирович Сарабьянов. Поэтому для меня совершенно естественным было посещать спецкурс Стернина. Непродолжительный цикл лекций оказался непохожим на те спецкурсы, к которым мы привыкли, учась на искусствоведческом отделении МГУ. Манера Григория Юрьевича читать лекции была далека от манеры университетских преподавателей. На лекциях казалось, что он настроен на общение, на беседу на равных; Стернин размышлял вслух, делился своими взглядами, очень любил задавать вопросы, тестируя студентов и проверяя свои соображения. Думаю, мы были мало полезны Григорию Юрьевичу, не отвечали и не могли отвечать его пред-

ставлениям о студенчестве. Зачет, который принимал Стернин, тоже выглядел необычно. Нам были даны очень широкие темы для подготовки. Помнится, кто-то должен был проанализировать журнальную прессу за один-два года или за одно десятилетие, кто-то должен был подготовить отчет о составе академических и передвижных выставок за одно десятилетие, кто-то получал задание рассмотреть выдающиеся архитектурные постройки за определенный период. На зачете Григорий Юрьевич беседовал с каждым студентом достаточно продолжительное время. Если студент сумел в разговоре назвать какой-то небанальный факт художественной жизни, провести какую-то аналогию, поставить известное событие в какой-то определенный – художественный, историко-культурный – ряд, в контекст русского или европейского искусства, то Стернин был удовлетворен. Мы старательно начитывали материал, собирали факты. А на зачете от нас требовалось встроить найденное в по-новому увиденную канву развития событий, отличную от привычной картины, описанной в уже вышедших трудах. Сейчас понимаешь, что Григорий Юрьевич хотел заставить нас отойти от привычных штампов и стереотипов и тем самым расширить наши горизонты. Это было очень интересно. Казалось, что, задавая вопросы, шурясь и улыбаясь, то и дело наклоняя голову, преподаватель присматривается к каждому из нас. Тогда, на зачете спецкурса Стернина, собственно и состоялось наше первое знакомство.

Через несколько лет мое общение с Григорием Юрьевичем продолжилось.

После окончания университета я пришла работать в Третьяковскую галерею. Попав в отдел живописи второй половины XIX века, я оказалась окруженной старшими коллегами, знатоками своего дела. Погружаясь в проблемы развития искусства позапрошлого столетия, невозможно было обойтись без тех многочисленных книг и сборников, которые издавала научная группа по изучению русской художественной культуры (под руководством Григория Юрьевича Стернина) в Институте искусствознания, куда входили известные специалисты – архитегуроведы, музыковеды, литературоведы, театроведы и, конечно же, искусствоведы. Григорий Юрьевич привлекал к работе действительно больших ученых, они мыслили очень широко, концептуально, их интересы вращались вокруг художественного самосознания эпохи, духовных устремлений общества. Задача Григория Юрьевича, руководившего комплексным исследованием художественной культуры второй половины XIX века, виделась в постепенном смещении акцентов и изменении сложившегося представления об эпохе, быть может, несколько зашоренного, сформированного в предшествующие годы.

Мои коллеги по Третьяковской галерее к этому времени уже тесно общались с Г.Ю. Стерниным, кто-то уже защитился и состоял с ним в приятельских отношениях, кто-то заканчивал писать диссертацию – они-то и способствовали моей новой встрече с Григорием Юрьевичем. Я поступила в аспирантуру Института искусствознания с темой, связан-

ной с творчеством Крамского, так как несколько лет участвовала в подготовке юбилейной выставки художника. Григорий Юрьевич стал моим научным руководителем. Спустя некоторое время мы с ним поняли, что тему диссертации нужно изменить. Выбор дался непросто, поиск новой темы длился довольно долго – года два. Но это был очень увлекательный процесс. Я много времени проводила в Ленинской библиотеке. Григорий Юрьевич меня не торопил, он прекрасно понимал трудности поиска новой темы и терпеливо ждал. Мы встречались регулярно, беседовали о самом разном: о событиях современной художественной жизни, о выставках, спектаклях, о прочитанных недавно книгах. Я пыталась очертить круг своих интересов и предпочтений, формулировать то, чем бы хотелось заниматься, что сделать объектом исследования. Это был в своем роде процесс погружения в материал и – знакомство с научным руководителем.

Григорий Юрьевич любил задавать вопросы. Часто они смущали, провоцировали, иногда эпатировали – в этом был его стиль научного общения, если хотите. Его манера говорить была запоминающейся. Он улыбался лукаво, с хитрецей, наклонял голову, как бы прислушиваясь, долго держал паузу и ждал, что ты скажешь, ответишь или не ответишь. Иногда он ставил своего собеседника в тупик. Он подтрунивал надо мною, «испытывал на прочность», проверял надежность моих предложений, предлагал свои варианты научной темы и таким образом незаметно для меня направлял ход моих мыслей, помогая определиться с темой диссертации. У Григория Юрьевича был особый характер мышления, в беседе он ничего не называл прямо и определенно. Он все как бы ходил вокруг да около. Но это давало возможность подумать и разобраться в том или ином вопросе самому, сформулировать мысль независимо от его мнения.

Для меня эти разговоры были очень содержательными, правда, Григорий Юрьевич мог категорически с чем-то не согласиться, а мне порой было сложно что-то ему доказать, но иногда удавалось настоять на своем. Анализируя тот или иной разговор, я в конце концов понимала, что все вопросы были не спонтанными, а продуманными. Научный руководитель целенаправленно подводил меня к какому-то решению, провоцировал рождение какой-то идеи... Таким образом он дал мне возможность прийти к новой диссертационной теме самостоятельно. Наконец она была определена: «Духовный автопортрет общества в русской живописи второй половины XIX века». Быть может, для кого-то название звучало несколько претенциозно, кому-то могло показаться спорным и неоднозначным. Но мы с Григорием Юрьевичем были довольны. В самой теме содержался комплекс проблем, связанных с самосознанием русской художественной культуры, которая меня очень интересовала и которую хорошо знал и чувствовал Стернин. Позднее Григорий Юрьевич любил, лукаво улыбаясь, подчеркнуть, что не так часто аспирантки приходили к нему со своими темами, и ему было приятно, что тему диссертации я выбирала, как говорится, у него на глазах, долго ее вынашивала, а он,

видя и понимая мои мучения, уважал мое «детиче». И если период поиска темы диссертации был длительным, то сама рукопись продвигалась быстро. Григорий Юрьевич не допускал равнодушия к работам своих учеников. Он был обязательным, никогда не подводил нас, если договаривался о встрече, то всегда приходил без опоздания, внимательно читал наши тексты. Он с удовольствием направлял и меня, советовал что-то почитать дополнительно, над чем-то еще подумать, напрямую не критиковал, не торопил и не подгонял. Его редакция была очень деликатной.

Григорий Юрьевич умело общался: он то пожурит, то похвалит, а то и подколлет. Он хорошо чувствовал каждого из нас, знал, как с кем нужно разговаривать. Его своеобразную форму общения можно воспринимать по-разному, но если ты принимал ее, то вступал в игровое поле, в котором режиссером был Григорий Юрьевич. Он руководил, наставлял, обучал, приходил на помощь, позволяя исполнять ту или иную актерскую партию. Неважно, до какой идеи ты дошел, он принимал многое, был открыт к диалогу. Его метод научного руководства работал безукоризненно и, несомненно, был результативен. Насколько мне известно, у Григория Юрьевича почти все аспиранты защитились.

Особенность Стернина состояла еще и в том, что после защит кандидатских диссертаций его аспирантами, он не расставался с ними, а подерживал самые тесные отношения.

Григорий Юрьевич интересовался всем, что происходило в моей жизни после окончания аспирантуры. Он предлагал какие-то темы для раздумий, подбрасывал заказы на статьи, приглашал участвовать в своих сборниках и заседаниях научной группы. Он прекрасно понимал, что мужьяная жизнь своеобразна, имеет массу достоинств, но в то же время и недостатки, с которыми нужно уметь справляться.

Стернин был очень тонким и проницательным человеком. И что меня всегда в нем удивляло и вызывало восхищение, так это то, что он был очень жизнелюбив и что его интересовало абсолютно все. Он расспрашивал о разных, казалось бы, бытовых мелочах, о том, что происходило в личной жизни, в семье, – так он складывал свое представление о человеке. Он знал, как зовут моих близких, кто чем занимается, он умел быть внимательным и заботливым. Он был в курсе многих проблем жизни его подопечных. Спустя время я поняла, что Григорий Юрьевич выстраивал подобные отношения со всеми своими аспирантами. Это качество характера нельзя назвать простым любопытством. Ему был важен человек в профессии – это понятно. Но ему важно было понять человека и вне профессии. Вокруг, казалось бы, самых незначительных мелочей он выстраивал образ человека, воспринимая его через житейские подробности. И как сквозь призму мелочей и деталей он составлял представление о людях, с которыми общался, так и сквозь призму отдельных мало-мальски значимых фактов он строил свои научные концепции, рисуя художественные картины мира. И в конечном итоге незаметное или малопримечатель-

ное становилось в его работах важной характеристикой некоего явления или помогало по-новому увидеть какой-то важный и серьезный процесс. В этом состоял его научный метод, который распространялся и на повседневную жизнь.

Не будет преувеличением, если скажу, что для Григория Юрьевича Третьяковская галерея благодаря нам повернулась какой-то своей новой стороной; он часто приходил к нам в научный отдел в Лаврушинский переулок, ему было интересно общение, прежде всего профессиональное, но и, думаю, он испытывал симпатию к галерейской среде. С некоторыми из моих коллег по отделу у него сложились приятельские отношения. В результате наших встреч и общений в галерее стихийно сформировалось сообщество исследователей второй половины XIX века.

Григорий Юрьевич ездил с сотрудниками галереи в совместные поездки, ходил на выставки, вел серьезные разговоры. Он был неравнодушен, конечно, к вопросам философско-религиозного толка, которые поднимал в своих научных трудах. Помню, как нас всех воодушевили его статьи «Христианское и языческое в творчестве Репина» и «Между идей и почвой», а также многие другие. Из сферы профессиональной он переносил этот интерес в свою жизнь, жизнь своих коллег и учеников, задавая разного рода вопросы, касающиеся религиозных проблем, вовлекая нас в круг своих раздумий. Он пересмыслил эти разговоры, возвращаясь к ним снова и снова.

Стернин часто приглашал меня к себе домой. Необходимость обсуждения написанной статьи становилась поводом для встречи. Мы размещались с Григорием Юрьевичем в его кабинете, где все было заставлено книгами: от них ломились шкафы и полки, они штабелями лежали на полу, сложными конструкциями из книг и журналов был загроможден стол. Григорий Юрьевич показывал, что под одним стулом лежит некая рукопись, под другим – хроника жизни. Подготовленные издания ожидали выхода в свет, но, как говорил Стернин, улыбаясь, «обстоятельства нашей жизни их заморозили на время». Григорий Юрьевич постоянно что-то редактировал или рецензировал.

На полках за стеклом размещались фотографии друзей и знакомых семьи. Григорий Юрьевич с радостью рассказывал об изображенных на фотографиях людях, делился впечатлением о прочитанном и очень любил дарить свои книги, с особым старанием делал надписи, не скрывая, что получает от этого удовольствие. Всех своих учениц, бывших аспиранток, Григорий Юрьевич принимал дома, это составляло важную часть их с Лиливей Степановной жизни. Она нас всегда очень доброжелательно встречала. И после занятий в кабинете мы переходили на кухню пить чай, здесь велась «светская» беседа, но все вертелось вокруг событий художественной и искусствоведческой жизни.

Г.Ю. Стернин был очень тонким и проницательным человеком, поэтому беседовать с ним было одно удовольствие. При воспоминании о Григории Юрьевиче неизменно возникает ощущение тепла и благодарности.